

19. Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
20. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998.
21. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
22. Хабермас Ю. Реконструирование и понимающие науки об обществе // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
23. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
24. Шюц А. Феноменология и социальные науки // Там же.
25. DeLanda M. A new philosophy of Society. L., 2006.
26. Kontopoulos K. M. The logics of social structure. Cambridge; N. Y., 1993.
27. Mouzelis N. P. Modern and Postmodern Social Therizing. N. Y., 2008.
28. Thanos Lipowatz. Das reine Politische oder Eine (post) moderne Form der politischen Mystik // Das Undarstellbare der Politik. Zur Hegemonietheorie Ernesto Laclaus. Wien, 1998.
29. Urs Stäheli. Zum Verhältnis von Sozialstruktur und Semantik // Soziale Systeme. 4. 1998. N. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soziale-systeme.ch/leseproben/staeheli.htm>

Рукопись поступила в редакцию 1 декабря 2010 г.

УДК 316.772 + 168.4

И. В. Красавин

КОНЦЕПЦИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ*

Статья посвящена социально-философскому анализу социальной коммуникации как гетерархической структуры отношений и предлагает системную теорию общества. Описана динамика процессов социального конструирования, посредством которых выстраивается взаимодействие людей. Даны принципы структурирования общества как множественного целого. Показано, что любые формы социальной жизни фундаментально едины между собой в качестве коммуникации и различаются лишь композицией отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дифференциация, различие, гетерархия, конструирование, система, часть и целое.

Единичная множественность

Данная статья рассматривает проблему интерпретации множественности процессов социальной коммуникации и представляет собой вариант генерирующей методологии междисциплинарных исследований общества. Процесс устройства общества рассматривается на стыке гетерологического (Ж. Делез, Т. Керимов) и социально-коммуникативного (Н. Луман) подходов. Предполагается, что пространство социальной коммуникации, включающее также практическое взаимодействие, образуется посредством дифференциации социальных процессов относительно друг друга. Они создают разнообразные

* Статья написана в рамках выполнения ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» Мероприятие 1.3.1 П854.

системы различий, которые, применительно к различным аспектам взаимодействия, совместно проявляют одновременные свойства части и целого. Для описания такой дифференцированной, но упорядоченной структуры вводятся понятия гетерархии, заимствованное из кибернетики (У. Маккаллоу), и участника¹. Свойства целостности и различности процессов коммуникации обнаруживаются с помощью понятия сообщества как сообщающегося социального множества. В заключение даны характеристики существенных аспектов коммуникации сообщества, которые реализуют дифференцированные социальные процессы.

Вопрос о том, как понимать общество, развел философию и социальные науки на не связанные друг с другом направления, каждое со своим предметом исследования. Считается, что общество как целое непредставимо вследствие своей множественной природы. Такая посылка делит социально-гуманитарные науки сообразно отдельным аспектам социального существования. Сведение получаемых результатов теперь происходит в практике, т. е. признается, что рационализировать мы можем только сиюминутные события, тогда как полифония социального бытия остается и нередко объявляется недоступной, в связи с чем социально-гуманитарные науки переживают довольно неприятную профанацию. Однако вряд ли кто-то будет отрицать, что эта множественность странным образом остается упорядоченной и в таком виде продлевает себя во времени и пространстве день за днем, независимо от обстоятельств, а не превращается в хаос. В повседневной деятельности мы признаем единство общества и социальных процессов, но теоретически оно остается недоступным. Междисциплинарный анализ гетерогенных социальных процессов без соответствующей методологии и онтологии данной проблемы не решает, так как в конечном итоге приходится принимать те представления об обществе, которые бытуют в отдельно взятой дисциплине.

Все же в случае общества объект этих дисциплин был и есть общий, и соединение разнообразных дискурсов происходит в «черном ящике» повседневного существования [6, 6–13]. На последнее ссылаться стали относительно недавно, но имплицитно всегда «имели в виду», поскольку любые метафоры наполняются смыслом вследствие соприкосновения с фактической социальностью. Науки исследуют отдельные процессы и аспекты, но оставляют в стороне вопрос о множествах тел — единичных существований индивидов и групп, предпочитая видеть общество гомогенным как «общество вообще», «человек вообще» и распространять заведомо частные свойства своих объектов на все пространство социальности. Обсуждение целостности множественного существования сейчас происходит в «литературных» жанрах. А между тем существование этих единичных индивидов и групп и есть единственный серьезный предмет исследования, поскольку оно соединяет в себе любые социальные процессы и выступает их единственным субъектом.

Представляя собственную версию социальной реальности, социально-гуманитарные науки детально выделили отдельные аспекты и процессы, но сделали

¹ Более точным является англоязычный вариант stakeholder — заинтересованная сторона, притязатель.

это при помощи классического представления о бытии и соответствующего концептуального аппарата. Другими словами, проблемы и процессы исследовались частные, а категории и метод их сведения использовались общие, метафизического происхождения. В результате происходила редукция бытия к отдельным аспектам существования, а частные свойства становились всеобщими. Этот же порок эссенциализма присущ и практическому знанию. Классическая метафизика, ведущая свое происхождение от утверждения Парменидом единства бытия, настойчиво пыталась редуцировать множественную природу общества к единым образцам сущностного характера. Предполагалось, что существует только один и общий для всех способ бытия, которому соответствуют не только единые принципы организации общества, но также их единое институциональное воплощение. Данная установка стимулировала поиск подобных образцов, на сравнении с которыми выстраивались правила отношений участников социального взаимодействия. В реальности же происходила неочевидная подмена, в ходе которой идеальным образцам бытия приписывались свойства конкретного социального сущего. Таким образом, вопрос о способе бытия замещался вопросом о способе конкретного существования [5].

Ориентация классической метафизики на поиск сущности до сих пор доминирует в социально-гуманитарном познании. Это значит, что социальные процессы представляются в виде последовательности абстрактных идей, как если бы задача социальных процессов состояла не в реализации коммуникации индивидов, групп, их институтов, а в реализации идей и находимого в них смысла. Основанием такого мышления является представление об уникальности социальных событий. Однако необходимо отметить, что уникальные события реализуются в пространстве коммуникации, которая вовсе не является уникальной, но, напротив, повторяющейся. Если конкретные институциональные формы коммуникации различны и непохожи друг на друга, то корректно они объясняются не заложенными в них идеями, а множественностью участников и создаваемых ими условий.

Люди создают множественную коммуникацию фактическим присутствием единичных существований, которые различаются «точками зрения» в бытии, независимо от того, что их объединяет или разъединяет. Единичностью является присутствие уникального существования индивида или группы в бытии. Нечто подобное Лейбниц называл монадой, Делез — складкой, а Мандельброт — фракталом. Поскольку форма и содержание существования появляются лишь в отношениях с другими существованиями, оно всегда множественно, а его смысл дискретен. Социальность — это отношения множественных существований, воплощенных в конечных формах единичных тел, которые проявляют себя в различных формах и содержаниях коммуникации, но никогда этим содержаниям и формам не бывают тождественны. Исходные смысл или цель социальной коммуникации, следовательно, не принадлежат самим участникам коммуникации. Смыслы, которыми они оперируют, всегда локализованы и редуцированы по отношению к процессам взаимодействия.

Опыт отчуждения, который непосредственно и осуществляет дискретность, уже заключен в множественную природу бытия. Естественно, что лишение

смысла не всегда приятная операция, так как в этот момент границы опыта являются со всей очевидностью. Смысл и опыт не могут исчерпать всех «точек зрения» социального в силу уникальности, единичности этой «точки зрения» как пространства опыта в каждом отдельном случае. Гносеологически проблема смысла и опыта заключается в отношениях внутреннего и внешнего. Любое содержание, будучи образованным в отношениях нескольких единичностей, мыслится тем не менее в пределах отдельного существования. Часть содержания приписывается какой-либо сущности — «внутреннему», тому, что «неотделимо» от существования, тогда как другие содержания объявляются «внешними». Как было указано выше, в ходе построения объединительных, «всеобщих» или синтетических объяснений общества частные смысл и опыт периодически меняются местами со всеобщими процессами, в зависимости от обстоятельств становясь то «внутренним», то «внешним».

Таким образом, опыт представления бытия не равен самому бытию, что, конечно, трюизм, однако на практике люди исходят из противоположного. Ведя речь о бытии вообще, участник всегда имеет в виду какое-то единичное бытие [14, 60]: его вопрос обусловлен тем, как эта единичность (хотя бы его собственная и смертная) существует в общем и не всегда представимом бытии. Единичность обнаруживает себя во множественности, а потому бытие экстериторно [11, 280]. Наличие у бытия «внешней» стороны, не видимой обычному взгляду, удручает, тем более что эта «внешность» связана отнюдь не с некими потусторонними силами, а, развертываясь во времени, — всего лишь с другими людьми [15, 398]. Формальное равенство представителей вида *homo sapiens* делает логичной мысль, что люди равны не только фактом своего присутствия в бытии, но и содержаниями своих институтов и дискурсов. Досадные социальные различия заставляют делить бытие для оправдания отсутствия искомого единства смысла и опыта; так появляются безумные «русская душа», «китайская мудрость», «западный разум» и т. п. Обращение к таким понятиям явно указывает на то, что объектам их приложения отказывается в полноте человечности — либо они животные, либо мы нелюди. Тот, кто пытается свести реальность бытия к реальности своего опыта, дискурса и смысла, все еще озадачен фактом единичности своего существования во множественном бытии. По-видимому, безрезультатно.

Единство бытия с присущим ему смыслом обнаруживается не в силу единства институций и дискурсов, а в силу причастности различных институций, индивидов и групп общему множественному бытию. Единство бытия не нуждается в дополнительной унификации частных существований, так как они уже известным образом унифицированы коммуникацией как процессом взаимодействия, иначе говоря, связью различий [13, 90–91]². «Непосредственное»

² Нужно учесть, что Н. Луман, по всей видимости, понимал коммуникацию трояко: она для него была и процессом различения, и сообщением информации, и институциональным упорядочиванием. При переходе от одного типа коммуникации к другому она, в зависимости от предмета исследования, превращается то в сообщение масс-медиа, то в институциональную оппозицию «центр — периферия». Здесь и происходит подмена, поскольку институциональные содержания никак не характеризуют формальный процесс различения, а тот не исчерпывает смысл социальной коммуникации.

бытие, которым обладают каждый индивид и каждая группа, в равной мере принадлежит общей сущности бытия. Бытие не только едино, оно еще и различно. Мы можем молиться общим богам, но различаться по факту индивидуальности. Общие содержания наших существований строят разную фактичность, обусловленную различиями времени, пространства, языка, тела и т. д., распределенных «вокруг» единичного существования. Если классический подход предполагает раскрытие содержания исследуемого объекта в виде сущности, то презумпция множественности требует исследовать любые содержания в виде отношений, состоящих из совместных содержаний и совместных различий.

Экстериорность бытия указывает на то, что ни одно его содержание не «владеет» всеми остальными [9, 26]. Классическая метафизика мыслила отношения иерархически, что проявлялось в нисходящем ряде свойств или действий. Их обоснование могло быть как теологическим, так и функциональным, но упорядочивание объектов подчинялось одинаковым условиям. Подобная иерархия совершенств основывалась на различии бытия и сущего с исключением последнего в пользу идеального образа бытия и воспроизводилась в виде оппозиции противоположностей: сущность и кажимость, базис и надстройка и т. д. И все потому, что любое знание рано или поздно сталкивается с бесконечным — неразрешимой множественностью, понять и упорядочить которую оно не в состоянии.

Множественность вызывается различием, которое есть не более чем операция по разграничению двух единичностей. В отличие от различия тождество локально, ограничивается пределами единичного существования, идентификация которого с определенными содержаниями и образует тождественность. Классический взгляд на тождество и различие выглядит так: «различное, следовательно, есть само же оно и тождество... можно также сказать, что различие как простое не есть различие; оно различие лишь в соотношении с тождеством...» [2, 376]. Точка зрения из множественности диаметрально противоположна. Тождество задается (по условиям), но не определяется (по содержанию) различием. Нечто может быть признано содержательным, т. е. тождественным, в том случае, если будет признано его отличие от чего-то другого.

Различие (различение) является, по сути, единственной однозначной операцией, которую постоянно воспроизводит социальное бытие. С точки зрения участника, оно разделяет исходно немаркированное, «пустое» пространство взаимодействий на «внутреннее» и «внешнее» [13, 64]. Естественно, что эта «пустота» есть не более чем уловка метода, ведь исходно уже есть различие бытия и сущего, существования и существующего. Процесс различения воспроизводит это неравновесие; дискретирование содержаний общего бытия усложняет социальность, которая дополняется все новыми и новыми условиями. Эта формальная операция может воспроизводиться бесконечно, но содержательно в социальности будут происходить уникальные изменения. То есть действие различия является неизменным фактором в отношениях участника и реальности. Социальные процессы оказываются связанными друг с другом, но эту связь обеспечивает не содержание их смысла, а границы этого содержания,

определяемые специфическими отношениями, тогда как смысл оказывается лишь еще одним содержанием в общей множественности.

Смысл как понимание причастности событию появляется, когда граница одновременно соединяет и разъединяет процесс коммуникации и существование. Каковы будут различия формы причастности, таким будет и смысл. Экстериорность границы делает ее содержанием и различием одновременно, что не позволяет границу феноменологизировать, хотя алгоритм раскрытия феномена и дублирует действие различия. Граница показывает возможность взаимодействия различных содержаний, или участников взаимодействия, без сведения многообразия к содержанию отдельных аспектов социальности. События происходят в коммуникации как множественной связи и являются друг для друга внешними и сопричастными одновременно. Социальные отношения — это коммуникация участников, которые подобны друг другу фактом участия, но не тождественны.

Это, в свою очередь, означает, что система социального различения воспроизводит себя в качестве различия, т. е. различается по отношению к самой себе во времени и является множественной единичностью. Происходит событие, и меняется множественная сеть отношений, участники которых получают различные статусы и способы маркировки. Такое различие, в свою очередь, вызывает продолжение рядов различий, и система постоянно видоизменяется. То, что остается неизменным, это характер организации различий, или коммуникация. Данный способ конструирования распространяется и на содержание событий — на то, как упорядочены их части, как и с кем они оказываются в отношениях, на пределы и способы взаимодействия участников относительно их присутствия в социальной множественности. Для различительного видения содержание имеет смысл постольку, поскольку способно взаимодействовать с другими содержаниями или отказывать им в этом. Содержание события образует не только локальную ценность, но форму коммуникации с другими содержаниями, сопоставимыми, но не равными ему.

Гетерархия

Процесс порождения социальных содержаний с помощью операции различения был назван дифференциацией [12, 28]. Впрочем, тот же самый процесс Левинас называл творением [11, 275]. Дифференциальное общество ризоматично — оно не имеет несущей структуры, корня, центра [16, 35]. Единственное, что выглядит устойчивым и постоянным, это отношение к существованию, которое и может быть признано «несущей структурой» социального. Ризома расширяется в любом направлении, а каждая ее часть воспроизводит целое, сохраняя или изменяя локальные характеристики. Каждый тип связи или форма социальности являются в таком случае дополнительными по отношению друг к другу.

Ризоматичное бытие дает различного участника. Участник не тот, кто полагает, а тот, кто отвечает. Это не субстанциальная, но сконструированная процессами коммуникации форма взаимодействия участника и внешних ему отношений; статус его зависит не только от того, как он себя полагает, но и от того,

в какой мере внешние отношения полагают его участие. Вопросание бытия уже есть какой-то ответ на него, так как сначала дана фактичность существования, к которому участник как-то относится, и только потом вопрошание. Потому участник носит конструируемый характер и состоит из содержаний существования, определяющих эту фактичность. Участник в отношениях — еще одно содержание, которое принадлежит как своему единичному существованию, так и существованию «внешней» для него реальности. Ответ участника — это различие единичности и множественности, специфическая реакция на процесс существования.

А, собственно, почему участник, почему не «кто-то» Другой? Открытие тождества единичного бытия и реальности привело западную метафизику к идее самотождественности *cogito*, представляющего собой образец бытия. Бесконечная множественность удобно сворачивалась до признания тождественности мышления участника самому себе, а раскрытие различий ставилось в зависимость от отождествления с участником в качестве критерия истины бытия. Однако, хотя участник тождествен реальности, реальность не тождественна участнику. В классической традиции предполагается, что участник сам определяет процесс мышления путем удостоверения очевидного — *cogito ergo sum*. Данная операция полагалась исходной и конечной точкой его субъектности. Однако само присутствие мысли демонстрирует факт существования во множественной реальности как условие возможности мыслить: *sum — ergo cogito*.

Cogito — всего лишь форма организации дискретного смысла, и в разных условиях она демонстрирует разные содержания. В то же время *cogito* есть не просто операция получения смысла, это алгоритм рационализации — сведение и поддержание существования в его единичности. *Cogito* — это конструктор отношений и отношения конструирования. Собираем мы, собирают и нас. Общество упорядочено множеством социальных *cogito*, которые подобны друг другу фактом рационализации, но различны единичными существованиями³. Работа анонимных *cogito* ведется через различение и отождествление участника с содержаниями коммуникативных процессов. Происходит это различение и отождествление как в дискурсивной рефлексии, так и в конструировании отношений.

Экстериорность существования есть та форма, из которой участник вынужден черпать свои содержания и отождествлять с собой. Комбинаторика коммуникации обязана своим присутствием возможности для формы выступать

³ Не стоит отождествлять социальное *cogito* с феноменологическим *ego*, относительно которого *cogito* центрирует переживаемую реальность. Отношения *ego cogito* являются единичной версией бытия, в центре которого остается субъект, тогда как реальность бытия, в том числе социальное *cogito*, множественно и включает субъекта как свою часть содержательно и дифференциально. То, что субъект считает целым относительно себя, является дифференцированным относительно социальных процессов (соответственно габитус — частный случай социального *cogito*). Описание целостности здесь зависит от типов субъектности, которым причастен субъект, причем описания для одного типа будут неравны описаниям другого типа, даже если речь идет об общих для них событиях. Каждый из типов субъектности будет включать другие типы в качестве частей *относительно* своей конфигурации отношений.

содержанием, а содержанию — формой в разных социальных процессах. Совместность содержания и формы позволяет содержанию отношений какого-либо порядка оказываться тем различием, которое кладет предел самому порядку. Момент привнесения ценностных содержаний в безличную форму имеет отношение к переживанию субъектности и отчуждения. Люди, руководствуясь ценностями, достаточно легко управляют формальными отношениями, к ареалу ценностей отношения не имеющими. И наоборот, ценность тогда существует уверенней, когда ей сопутствует формально организованный процесс. Но самое главное, несмотря на общность различий, эти два отношения не растворяют одно другое, а остаются смежными.

В зависимости от реакций вовлеченных участников существование принимает или не принимает свою тождественность и различность. Это «принятие», или отождествление, есть поиск сущности, который участник ведет относительно самого себя, даже если утверждает обратное. Сущность есть результат редукции, с помощью которой участник различает и отождествляет определенные содержания со своим существованием. В качестве «сущности» некое содержание существует не само по себе, а лишь в той степени, в какой участник причастен тому или иному содержательному процессу. Участник находит сущность процесса по отношению к самому себе, но не определяет истину процесса как такового, поскольку его существование само им обусловлено.

Участник в процессе общей коммуникации конструирует гетерогенные содержания, устанавливает пределы и формы их отношений. Но точно так же социальные процессы, упорядоченные рационализацией, создают участника. Рациональность социальных процессов, объединяющих самые разнообразные содержания, устанавливается автоматически. Рационализирует их само поддержание коммуникации и ее участников, в качестве связанных единичностей. Поддержание существования этих множественных единичностей и есть автоматическая упорядоченность бытия [1, 20–22]. Ведущим в коммуникации является сам процесс, как общее взаимодействие, границы которого шире границ участника. Однако содержание процесса привносится участниками в той форме, с содержанием которой они себя отождествляют. Отождествление и различение участников взаимно и неравно, так как они различаются своими единичными местами в социальных процессах, посредством которых и опутываются паутиной контактов.

Отношения социальных процессов, участники которых взаимодействуют посредством различения и отождествления, — это отношения части и целого, причем последнее не поглощает части, а разворачивается одновременно с отношениями частей [12, 72–75]. В каком отношении участник является частью некоего целого, в каком отношении участник является целым неких частей? Иначе говоря, как описать специфику ответа участника на те процессы, в которые он вовлечен с точки зрения единичности его позиции в бытии и смежности существования, которому он причащается? Часть и целое становятся критериями участия, поскольку взаимодействие больше не может мыслиться в русле линейной каузальности и сущностного снятия. Взаимодействие осуществляется в той мере, в какой участник является одновременно какой-то частью и/или

целым, а значит, действующие причины разводятся по различным порядкам отношений.

Одновременное становление частью и целым предполагает не только различие отношений друг с другом, но и упорядочение, их центрацию и группирование. Ризома не имеет несущей структуры, или корня, потому что сама в целом ею является. Субъективация и автоматическая рационализация в пространстве ризомы невозможны без совместности иерархии и сети, так как определены (и содержательно, и формально) смежностью экстериорных процессов бытия. Общую форму дифференциальной социальности имеет смысл назвать гетерархией — структурой, состоящей из множества иерархий, элементы которых соединены сетевыми связями. Взаимодействие здесь оказывается множественным, но локализованным соответствующими иерархическими связями. Таким образом, система упорядочена «внутри» и открыта «вовне» для создания новых связей и структур. Такая компоновка определяет положение участника, позиция которого становится дрейфующей по рядам различных порядков отношений.

Участник претворяет какое-либо взаимодействие в той мере, в какой он является элементом более общей иерархии и соответствующего порядка, нежели он сам. Устройство отношений зависимости участника не замыкается на одной иерархии, а включает в себя отношения с иерархиями более общего и локального порядков. Каждый из нас существует в пространстве действий и событий, принадлежащих более широкому кругу отношений, нежели мы сами, и включающих нас в качестве своих элементов; при этом мы не в состоянии данное положение изменить. Так же мы участвуем в отношениях, которые зависят от наших конкретных поступков и где мы, следовательно, проявляем некоторую степень неотчуждаемой свободы.

Эта свобода, как бы сомнительно ни звучало, есть мера субъектности, ответ единичного бытия на множественные события. Помимо этого мы оказываем влияние на различные процессы, которые являются объектами наших отношений и не могут этого положения избежать без нашего участия. Таким образом, один и тот же участник будет в общей по отношению к нему иерархии элементом, а сами эти отношения для него будут необратимыми. В той иерархии, где отношения зависят от степени его свободы и потому обратимы, он будет субъектом. В локальной иерархии, отношения которой зависят от него и для объектов, или элементов, являются необратимыми, это будет позиция Другого — того, кто определяет наши действия, и мы ничего не можем с этим поделать.

Субъектность участника вызывается сетевыми отношениями, которые создаются одновременно с иерархическими и строго в пределах иерархий. Отношения — это взаимосвязь как минимум двух участников, которые гетерогенны самим фактом единичного существования, а следовательно, общая взаимосвязь воздействует на различные цепочки событий и рождает различные истории о тех событиях. Установив отношения, два участника порождают Другого, который состоит из отношений первых двух, а совместно они проявляют свойства, ранее не выделявшиеся. Другой не равен каждому из них или их сумме, но равноположен. Он является иерархически упорядоченным и предполагает

проявление ими, как своими элементами, определенных и конкретных свойств и функций. Семья — тому простейший пример.

Сеть выстраивается лишь при наличии в комбинации условий иерархических признаков. Элементы двух разных иерархий могут взаимодействовать между собой (в качестве участников) только в пределах третьей. Сеть из одной иерархии не может быть переведена в пространство другой иерархии или установить с ней равные отношения. Поэтому любые упорядоченные отношения отличаются консервативностью, а их участники пассивны в отношениях с участниками других иерархий. При попытке прямого взаимодействия между иерархиями они не стыкуются напрямую, заимствуя содержания друг друга, а создают промежуточные иерархии, с локализованными содержаниями. Таким образом, в процессе дифференциации размножаются иерархии, а сети — инструмент размножения упорядоченных структур; вместе они образуют гетерархию как «полную» модель отношений сообщества как множественного целого.

Множественность целого предполагает, что один и тот же участник совмещает в себе потенциально неограниченное количество разных модусов субъектности [7]. В реальности, разумеется, их количество ограничено иерархиями локальных условий. Благодаря этому действия участника никогда не являются беспорядочными, но всегда обусловлены типом рациональности, присущим тому или иному модусу субъектности соответствующих связей [3, 396–397]. Цели, которые участник проецирует в процессе познания, также множественны и различны, изменяясь вместе с ним. Вследствие этого понятие субъектности становится инструментальным, будучи формой сборки отношений коммуникации.

Социальные процессы совмещают несколько уровней коммуникации, которые аналитически раскладываются на отношения индивидов, статистических групп и институционализированных сообществ. Эти отношения распределены в пространстве и времени (частотой и количеством контактов) и поддерживаются постоянством реакций участников на типичные процессы [10, 79]. Автоматическая рациональность социальных процессов упорядочивает их на всех уровнях отношений, на каждом направлении и в любое время. За счет этого происходит множественная субъективация, формы и содержания которой разворачиваются автоматически рационализированными участниками в виде индивидов, групп и сообществ с соответствующей временной и пространственной протяженностью. Данная форма упорядочения отношений есть не что иное, как *cogito*, рационализирующее поддержание существования множественных связей. Задача этих *cogito* одна — осуществление коммуникации существующих единичностей относительно содержания отношений. Порой это называют самоорганизацией.

В коммуникации, где любое содержание появляется только за счет других, процессы социальной организации являются единственным постоянным фактором. Такая социальная система аутопоэтична [13, 69] — способна к самоорганизации с помощью множественного взаимодействия участников. Основной поток событий, который они претерпевают, носит повторяющийся характер. Взаимодействие участников всегда ограничено характеристиками среды, или институциональными содержаниями, частью которых они являются. Это из-

бавляет социальность от лишнего хаоса. Сам хаос, или неупорядоченность, является таковым только по отношению к тем социальным порядкам, или рациональностям, которые не принимают данного типа взаимодействия. Каков бы ни был тип отношений, он всегда упорядочен фактом коммуникации. Любой порядок является локальным вследствие окружающих содержаний, но элементарные процессы социальной организации, посредством которых поддерживается существование коллективных и индивидуальных тел в виде частей и целого могут быть прослежены в любой конечной институциональной структуре. Последние, в свою очередь, постоянно подвергаются воздействию со стороны индивидов и групп; доказательство тому — все тот же «здравый смысл» повседневности.

Коммуникация сообщества

Наиболее постоянной границей, выстраиваемой социальными различиями, является конечность, смертность, свобода человеческого существования, которое разворачивается в общем бытии, но единично уникальностью собственного переживания [8, 33]. Поскольку индивид идентифицирует себя с окружающими и составляющими его различиями, он всегда причастен отношениям дисперсных и управляемых групп — сообществ. Заинтересованность в поддержании собственного существования заставляет поддерживать и сформировавшие его отношения сообществ. Одновременность такой ситуации для множества людей приводит к относительной стабильности и типичности реакции сообществ на происходящие с ними события. Процесс существования общества, таким образом, напоминает медленный дрейф, основные события и отношения в котором носят повторяющийся характер, а любые нововведения происходят лишь в том случае, когда поддержание ситуации становится невозможным, иначе говоря, нерациональным для текущей коммуникации единичных существований. То есть отношения как бы преломляются через единичность каждого индивида и каждой группы. Участники включаются в отношения, отождествляя себя с теми различиями, которым не равны, и при любой солидарности будут различаться фактической единичностью, или конечностью. Изменения происходят не столько вследствие различий внутри отдельно взятого процесса, но скорее связаны с различиями его фактического осуществления и взаимодействия с другими процессами в ходе социальных отношений.

Социальные отношения характеризуются смежностью и реактивностью. Смежность здесь означает возможность взаимной коммуникации: любое отношение всегда может установить связь с другим отношением посредством участника. Данный постулат предполагает принципиальную способность любой части общества к установлению отношений независимо от позитивности или негативности их содержания. Время необратимо, но коммуникация является обратной. Следовательно, даже если какие-то отношения функционально или повседневно не пересекаются, участники всегда способны это сделать. Смежность позволяет дифференцированным социальным процессам выступать друг для друга звеньями коммуникации и различительными границами одновременно.

Каждый из них имеет свою темпоральную размерность, цели, предполагаемые или неочевидные результаты. Пересекаясь в действиях социального участника, они выступают друг для друга эпистемологическими, ценностными и какими угодно еще посылками, или условиями.

Таким образом, социальные процессы оказываются способными порождать упорядоченные системы различного содержания и уровня сложности и демонстрировать «единство-в-различии», являющееся одной из главных характеристик социальности. Подобное различительное единство подтверждается круговым характером связи оказывающих влияние факторов, или аспектов социальности. Если мы начнем искать истоки политических событий и процессов, то придем к экономике; если мы продолжим свой поиск далее, то упрямся в социальные институты, под которыми будет лежать культурный слой традиций, заданных практикой политического правления; и так без конца. Эта взаимосвязь для тематически разделенных социальных наук неразрешима, тогда как повседневное человеческое существование, напротив, с легкостью данные различия сводит и разводит.

Ни один из аспектов социальности не в состоянии контролировать все события и заместить собой остальные аспекты. Однако они, естественно, к этому стремятся в виде собственного воспроизводства во времени и пространстве. Таким образом, любое событие образует ряд убывающих или повторяющихся взаимодействий и появление новых форм, специфичных для конкретных отношений участников, чья реакция вариативна, а не задана заранее. Отсутствие реакции в конкретной системе отношений также должно считаться специфической реакцией. Отсутствие реагирования влияет на удержание границ взаимодействия и их форму; появление реакции эту форму изменит. Негативная реакция не должна рассматриваться в качестве истинной характеристики участника, что особенно полезно для сферы политического. Иерархическая упорядоченность сетей отношений делает участников зависимыми от тех процессов, в пределах которых происходит их субъективация. Изменение пространства коммуникации, в котором пребывает участник, всегда влечет за собой его собственное изменение. Поскольку эти изменения множественны, то длительность и форма реакций будет также множественной, с различиями в длительности и содержании. В итоге различия в степени локальности содержаний определяют относительно конечную форму.

Изменению всегда подвергается не все пространство коммуникации, а лишь какая-то его часть, но она влечет за собой соразмерную трансформацию системы в целом (имеется в виду, что трансформация системы как целого осуществляется настолько, насколько это необходимо для поддержания системы; если система может изменением каких-то частей пренебречь, то трансформация не происходит). Множественное воздействие изменений ведет к тому, что социальная система выбирает форму, совместимую для всех типов взаимодействия разом, но с различными следствиями в зависимости от степени и способа воздействия. С помощью такой операции социальность поддерживает свою множественную идентичность как целое. Множественная комбинаторика существующих форм отношений приводит к выводу, что целостное упорядочение стро-

ится не на подавлении и аннигиляции меньших форм большими, а на соположении вместе с ними, так как наиболее общим целым является не какое-то отдельное содержание, идея, представление, а процесс фактического и совместного существования.

Поскольку воспроизводство отношений зависит от их регулярной повторяемости, любая социальная система «стремится» к гомеостазу. Эта «статика» позволяет удерживать идентичность (или смысл) отношений и продлевать их во времени. Реализация будущих состояний системы не заложена в ней изначально, а является результатом прошедших и текущих взаимодействий, т. е. можно говорить об эволюционном характере социальной коммуникации. Следует, однако, помнить, что эволюция предполагает своим результатом не какое-то отдельное институциональное содержание, страну, народ, веру, но процесс социальной коммуникации в целом, любые содержания которого локальны и существуют «ради» реализации других содержаний. Кроме того, относительность социальной эволюции обусловлена также тем, что она быстрее и в большей степени разворачивается в меньших системах; и наоборот, чем шире охват системы отношений и больше в ней взаимодействий, тем медленнее она изменяется. В результате общество является бесконечно вкладываемыми друг в друга множествами, которые, с одной стороны, регулярно изменяются, а с другой — сохраняют немало относительно статичных содержаний.

Фактическая упорядоченность социальной коммуникации делает организационные (или коммуникативные) процессы постоянным фактором отношений. Гетерархичное распределение процессов позволяет очерчивать локусы взаимодействий не по отдельно взятому содержанию, а по процессу субъективирующей коммуникации. То есть не содержание формирует ситуацию, а ситуация формирует содержание [8, 143–147]. В этом случае обращение к другому (а значит, и к нам) будет звучать не в качестве претензии (мол, мы не делаем того-то и не соблюдаем чего-то), а в качестве заинтересованного вопроса: почему мы делаем именно это, а не что-то иное. Этот вопрос обнажает границы понимания сторон, пределы их возможностей и степень зависимости. Он не перекрывает общения, но выделяет точки соприкосновения и расхождения как общего поля взаимодействия. Благодаря этому мы можем увидеть как условия того, что делают люди, так и условия того, что они не в состоянии сделать, и включить эти различные содержания в пространство коммуникации. Конфликты при таком рассмотрении отмечают границы рационального понимания и создают ситуации, сводящие вместе наши содержания, определяя их допустимые границы, степень зависимости и правила, приемлемые сторонами.

«Достоверность» социального анализа зиждется на различии между масштабами процессов, смежности их содержаний и скорости осуществления. Подобное выявление проще всего начать с определения повторяющихся алгоритмов взаимодействия. Разница фактических условий приводит к тому, что такой простейший комбинаторный прием, как различение повторяющихся и уникальных (по отношению к повторяющемуся ряду) событий, способен порождать множество дифференцированных систем, проводить их упорядочение и деформацию. Циклическое воспроизводство отношений продлевает существование

системы потенциально неограниченное время, — на практике такое существование всегда ограничено смежными системами. Возможность воспроизводства зависит в подобном случае от возможностей системы отношений к изменениям в ответ на изменения пространства коммуникации. Эта возможность изменений также определяется способом упорядочивания отношений, который является для них формальным признаком.

Участник всегда проецирует реальность так, как это позволяют те отношения, в которых он сформирован. В силу этого получаемое знание никогда не является конечным, поскольку процессы и события ускользают от анализа вследствие разности размерности. Невозможность установить формальную взаимосвязь приводит к неизбежной редукции части отношений, которые продолжают влиять и видоизменять участников коммуникации. Различия в процессах заставляют делить знание на функциональные аспекты, однако каждый из них зависит от процессов, исследуемых соседними разделами знания. Содержание отслаивается от самого себя и порождает новые формы.

Несмотря на то, что знание является незаконченным, процесс различения делает коммуникацию объединенной общими свойствами во всех аспектах социальности, хотя содержание этой коммуникации необходимо различается. Эти свойства относятся не к смыслу содержания процессов, а к тому, как гетерогенные процессы группируются друг с другом (а также к тому, как группируются содержания какого-то процесса). Это ведет к признанию, что любые формы социальной общности организованы с помощью одинаковых правил структурной коммуникации, поскольку с формальной стороны это взаимодействие есть всего лишь дифференциация посредством образования границ и субъективации участников.

1. Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб., 2002.
3. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. Екатеринбург, 2007.
5. Жильсон Э. Бытие и сущность. Введение [Электронный ресурс]. URL: http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/Hristianskaya_philosofia/index.htm
6. Кемеров В. Е. Единство знания: эволюция темы // Панорама Евразии. 2008. № 2.
7. Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопр. философии. 1999. № 7.
8. Керимов Т. Х. Неразрешимости. М., 2007.
9. Керимов Т. Х. Общество различия: классическая и современная онтологии // Общество различия и современная социальная онтология : материалы круглого стола. Екатеринбург, 2009.
10. Красавин И. Как обнаружить общество различий // Там же.
11. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М. ; СПб., 2000.
12. Луман Н. Дифференциации. М., 2006.
13. Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.
14. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
15. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
16. Deleuze G., Guattari F. Capitalism and schizophrenia. L. ; N. Y., 2003. Vol. 2.

Рукопись поступила в редакцию 5 октября 2010 г.